

Глава 10

Не успел Шэнь Юй обдумать всё как следует, как снизу донёлся голос старухи Сяо: она велела ему спускаться и растопить печь.

В доме Сяо не было отдельной кухни — несколько соседских семей делили одну общую. Поэтому, если нужно было сварить кашу или лапшу на завтрак или ужин, пользовались домашней угольной печью.

Старуха была патологически скупа. В отличие от других хозяек, которые поддерживали в печи слабый огонь, чтобы в любой момент можно было согреть воду или подбросить углей, она тушила её полностью. Каждый раз юноше приходилось разжигать огонь заново.

Прежний Шэнь Юй привык к этой рутине. Покопавшись в памяти и немного попрактиковавшись, нынешний обладатель тела быстро сообразил, что к чему.

Увидев, что парень принялся за работу, бабка ещё раз проверила, заперты ли замки на дверях её спальни и шкафах. Перед уходом она наказала ему вскипятить воду и наполнить термосы. Доверять Шэнь Юю готовку она не собиралась: старуха оберегала запасы продовольствия пуще зеницы ока.

Малыш Сяо Цзяю освобождался из детского сада довольно рано, и обычно его забирала именно бабушка. Но Шэнь Юй знал: после сада она обязательно сделает крюк к ближайшему рынку, чтобы подобрать выброшенные торговцами овощные листья или по дешёвке купить остатки залежалого товара. Семья вовсе не нуждалась в такой экономии, но та ловила подлинный азарт от подобной «выгоды».

О походах за обедками в доме знал только Шэнь Юй. Остальные Сяо были людьми крайне тщеславными и, прознай они об этом, ни за что не позволили бы старухе так позориться. Сам парень услышал об этом случайно, когда бабка ворковала с Цзяю, и с тех пор помалкивал.

Главным плюсом этой ситуации было то, что хозяйка вернётся нескоро.

Едва печь разгорелась и чайник занял своё место на огне, Шэнь Юй принёс таз с водой. Первым делом он выстирал новый отрез хлопка, а затем, тщательно выжав его, разложил сушиться у самого жара.

Пока ткань сохла, он быстро застирал те несколько вещей, в которых выходил сегодня в город. Наденет он их снова или нет — вопрос второй, но в хозяйстве пригодятся.

Когда вода закипела, он наполнил бутылки и поставил греться следующую порцию.

К тому времени, как постиранные вещи были развешаны, хлопок уже наполовину просох. Шэнь

Юй на время отставил чайник и, пользуясь сильным жаром от углей, окончательно высушил ткань. Убедившись, что полотно стало тёплым и совсем не влажным, он вернул чайник на печь.

Затем он заглянул к соседке, бабушке Ван, чтобы одолжить ножницы, иголку и нитки. В качестве предлога он сказал, что хочет подлатать одежду, и отдал ей два фэня за нитки — иголку-то он вернёт, а расходный материал стоит денег.

Вернувшись, Шэнь Юй совершил настоящий подвиг — сам сшил себе нижнее бельё. Раньше он этого делать не умел, да и в одежде недостатка не знал: обноски соседских детей всегда перепали ему первому. Тем не менее результат оказался на удивление достойным: не считая того, что штанины вышли слегка разного размера, в остальном изделие было безупречным.

Как только работа была закончена, юноша тут же юркнул в свою каморку и натянул заветную обновку.

Ощущения были великолепными!

Шэнь Юй был готов расплакаться от чувств. Старые верхние штаны были ему слишком велики, и он всерьёз опасался, что пояс может соскользнуть, превратив его в глазах окружающих в «хулигана». Теперь же он чувствовал себя в полной безопасности.

Убедившись, что переделки не требуются, парень радостно вернул инструменты соседке. За два фэня бабушка Ван стала к нему удивительно радушна и пригласила заходить ещё.

Оставшееся время Шэнь Юй тоже не сидел без дела. Всякую мелочёвку старуха Сяо прятала под замок в своей комнате, но крупные инструменты запереть было невозможно. У юноши ещё утром, когда он ковырял замок проволокой, созрела одна идея. Пользуясь отсутствием домочадцев, он отыскал среди припасённых стариком Сяо досок подходящую деревяшку и обтесал её инструментами.

Разрезав пеньковую верёвку на несколько частей, он соорудил простую верёвочную лестницу. Старуха запретила ему пользоваться приставной лестницей, а карабкаться по вещам каждый раз было неудобно. Проверив конструкцию на прочность и убедившись, что перекладины и верёвки надёжны, Шэнь Юй забросил её в свой «скворечник» — теперь при необходимости он мог просто сбросить её вниз.

Закончив дела, он вернул инструменты на место, бросил древесные опилки в печь и придирчиво осмотрел дом, замечая следы своего хозяйничанья.

Ему повезло: как только очередной чайник оказался на огне, кто-то вернулся.

Первой в дом вошла девушка, которую Шэнь Юй ещё не видел вживую. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать; две иссиня-чёрные косы лежали на плечах, через плечо висела

тёмно-красная холщовая сумка, а одета она была в розовую рубашку в цветочек и белые кроссовки.

Заметив парня у печи, Сяо Цзясинь даже не удостоила его взглядом. Она молча достала ключи, отперла комнату бабки и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Дом Сяо состоял из двух жилых комнат: большой и маленькой. В маленькой ютились Сяо Цзяньшэ и Лян Фэнся, а большую разделили надвое. В одной части жила старуха Сяо, в другой — Сяо Цзяхуэй и Сяо Цзясинь, разделенные лишь занавеской. С возрастом такое соседство становилось всё более неловким, но выбора не было: Шэнь Юй и тот жил под самым потолком.

Девушка ещё не знала о сегодняшних подвигах Шэнь Юя. Прознай она, что он не только съел её яйцо, но и вытребовал новый комплект одежды, драки было бы не миновать. Воспитанная бабкой, девчонка полностью унаследовала её скверный характер, превратившись в настоящую задиру. В отличие от брата, она никогда не стеснялась пускать в ход кулаки против прежнего Шэнь Юя. Она была младше, она была девочкой, а главное — она была «своей» в этом доме, поэтому Шэнь Юй никогда не смел дать ей отпор.

Нынешний юноша, разумеется, её не боялся. Он не собирался покорно стоять и сносить побои. Однако сейчас его внимание было приковано к следам, которые она оставила на полу.

На улице было сухо, так что это были не мокрые пятна, а белесые порошковые отпечатки, тянувшиеся вдоль подошв её обуви.

Глаза Шэнь Юя азартно блеснули. Он нашёл способ раздобыть ещё немного денег! Память прежнего хозяина тела была настолько запутана, что без этой подсказки он бы и не вспомнил о важном обстоятельстве.

На ногах девушки красовались кроссовки «Воин» (Huili). В последние годы эта обувь стала пределом мечтаний молодёжи, особенно после того, как в прошлом году женская сборная по волейболу выиграла золото именно в таких кедах. Каждый подросток грезил о заветной паре, и Сяо Цзясинь не была исключением.

Семья Сяо не бедствовала: простую пару «Воинов» можно было купить юаней за шесть-семь, а самые дорогие стоили не больше двенадцати. Но ей не повезло с мачехой, которой было плевать на её желания.

Когда та после долгих истерик наконец уломала отца на покупку, в дело вмешалась Лян Фэнся. Её «ночные нашептывания» быстро охладили пыл мужа: мол, в доме четверо детей, купишь одной — остальные обидятся, а на всех денег не напасёшься. На самом деле Цзяяо было всего пять лет, и покупать ему дорогую обувь, из которой он вырастет через месяц, никто не собирался. А про Шэнь Юя и говорить нечего — ему такие подарки вообще не полагались.

Но, как говорится, «за мачехой и отец — отчим». Цзяньшэ, хоть и был родным отцом, перестал

считаться с интересами старших детей, особенно когда в дело вступал капризный Цзяю, который тут же принимался орать, что ему тоже нужны такие кроссовки.

В итоге покупка сорвалась. Цзясинь проплакала весь вечер, а потом сорвала злость на Шэнь Юе, плеснув ему водой в лицо — на мачеху у неё смелости не хватило. Разумеется, в сюжете романа об этом не упоминалось, это были личные воспоминания юноши.

Впрочем, если сестра не могла совладать с Лян Фэнся, то у Сяо Цзяхуэя на этот счёт были свои методы. Вскоре он нашёл способ прижать женщину, и та была вынуждена уступить. Однако она всё же ухитрилась подложить свинью: купила кроссовки не падчерице, а пасынку, причём якобы случайно потеряла чек, так что вернуть или обменять их было нельзя.

Сяо Цзясинь чуть не лопнула от досады, но спорить с братом не могла, а тот не собирался отказываться от обновы.

То, что сейчас было на ногах у девушки, не было старой обувью Цзяхуэя — мужской сорок какой-то размер ей бы не налез, сколько газет внутрь ни пихай. Свои кроссовки она купила с рук у одноклассницы всего за два с лишним юаня. Поскольку обувь была поношенной и пожелтевшей, Цзясинь слой за слоем натирала её мелом, чтобы придать белизну. Издалека это смотрелось прилично, но вблизи всё становилось очевидным: за ней тянулся белый шлейф.

— Эй, ты почему в одежде моего брата?! — Цзясинь вышла из комнаты, оставив сумку, и неприязненно уставилась на Шэнь Юя.

Обычно парень старался избегать конфликтов — любые ссоры требовали слишком много сил. Чтобы поскорее окрепнуть и подрасти, ему нужно было беречь энергию, а не расходовать её попусту.

Поэтому он лишь смиренно опустил голову и тихо пробормотал:

— Мои вещи совсем износились. Дедушка велел бабушке дать мне эти.

Сяо Цзясинь не посмела перечить главе семьи. Она лишь презрительно скривилась и, одарив Шэнь Юя тяжёлым взглядом, подошла к чайнику за водой. Проходя мимо, она негромко бросила:

— Попрошайка.

Шэнь Юй даже бровью не повёл.

«Попрошайка? — Шэнь Юй мысленно усмехнулся. — Это она про него? Вовсе нет!»

У него есть родители, и если ребёнок вынужден донашивать чужое тряпье, то это вина отца и матери, которые не исполняют свой долг. Отец далеко, так что, считай, она оскорбила его мать.

Шэнь Юй придерживался того же принципа, что и в прошлой жизни: ругайте моих родителей сколько влезет, но если тронете меня — берегитесь, я спуску не дам.

Цзясинь, конечно, не могла понять его душевного равновесия. Видя, что он, как обычно, молчит, она потеряла интерес и, прихватив кружку, вернулась в комнату.

Шэнь Юй же был в прекрасном расположении духа, ему даже захотелось напеть какой-нибудь мотив. Он только что вспомнил об одном старом должке.

Когда юноша только приехал в город, Шэнь Аньминь дал ему с собой больше двадцати трёх юаней. За шесть с лишним лет жизни у Лян Фэнся парень не получил от неё ни копейки. Иногда, когда голод становился невыносимым или возникала острая нужда в вещах, он тратил отцовские деньги.

Он был чрезвычайно экономен, к тому же цены тогда были копеечные. За все годы парень потратил лишь около пяти юаней. Вместе с нынешними остатками в шесть с половиной юаней получалось около двенадцати. Куда же делись остальные деньги?

Раньше, листая память прежнего владельца тела, Шэнь Юй не обращал внимания на эти траты — они всегда были связаны с горьким чувством голода или унижения. Но при виде старых кроссовок Цзясинь его осенило.

Те десять юаней прежний Шэнь Юй потратил вовсе не на себя. Он тоже купил пару новеньких кроссовок «Воин», которые теперь красовались на ногах «главной героини» — Юнь Байя.

<http://bllate.org/book/15805/1423166>